

2

Для Семьи

ХОЗЯЙКА уездного города

Дия Сёмина

Хозяйка уездного города 2

«Автор»

2026

Сёмина Д.

Хозяйка уездного города 2 / Д. Сёмина — «Автор», 2026

Жадный муж взял Шурочку в качестве бесплатной прислуги. Помыкал да издевался, держа в чёрном теле, и ловко переложил вину за растрату на жену, а её гибель стала бы для него удачным шансом скрыть собственное казнокрадство. Но всё пошло не по плану, и в теле несчастной жены очнулась я – бессменный председатель СНТ «Одуванчик». Уж я умею порядки наводить, всего-то осталось восстановить мост, найти, куда муж деньги казённые припрятал, свекрови не позволить на шею сесть и не ударить в грязь лицом перед губернатором. Одно меня удручает, в этом мире жена не смеет подать на развод. И какие бы я подвиги ни совершила, спасая город от банкротства, всё равно остаюсь собственностью подлеца. Мир абсолютно фэнтезийный, аналогий с нашим миром можно не искать, хотя они есть)))

© Сёмина Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Местечковая ОПГ	5
Глава 2. Ревизор	9
Глава 3. Звёздный час акушерки	12
Глава 4. Законы пишут мужчины	15
Глава 5. Сногшибательная новость	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дия Сёмина

Хозяйка уездного города 2

Глава 1. Местечковая ОПГ

Городок давно не знал таких страстей. Скучная обывательская жизнь внезапно наполнилась новыми смыслами, тайнами и поводами к пересудам. О, сколько же теперь будет разговоров о благочестивой Шурочке-затворнице и её рыцарях, постоянно бодающих друг друга по каждому поводу и без.

Уж Сомова хлебом не корми, но дай возможность поупорствовать хоть бы в каком деле. А сейчас ребром встал вопрос о его счастье и благополучии на личном фронте.

И поскольку Сомов по деликатности нисколько не уступает Гончарову, потому задал тот самый вопрос, от которого я чуть не задохнулась, как от приступа аллергии на бестактность:

— Постойте, а что значит, не тронул? Вы при нём как служанка, что ль? Так это всё меняет. Александра Андреевна, выходите за меня! Я этого козла размажу, как колесо кареты коровью лепёшку. Вы через неделю вольную получите... Клянусь! А сегодня ночью, мы с парнями из него душу вытрясем и документики заберём, дельце плёвое, властью и погонами я не обременён, как некоторые, так что скажете? Я от своих слов не отступаю. Надумал жениться, значит, женюсь!

В этот момент Макарова, как подменили, он резко остановился, развернулся и пошёл обратно в сторону дома Гончаровых, и так решительно и быстро, что мы и понять ничего не смогли с «женихом-то» моим новым.

А когда до меня дошло, было уже поздно.

Улицу заполнил нечеловеческий визг, потом отрывистые вопли: «Помогите, убивают!».

И тишина...

— Он его убил... — мой стон заставил Сомова ускориться.

У дома остановился какой-то мужик на телеге, привстал, чтобы заглянуть через забор, приметил нас и громко выкрикнул так, чтобы все услышали:

— Свиною поди режут! Не извольте беспокоиться, дело житейское, — и поехал. Преднамеренно создав алиби нашему отчаянному городничему.

— Свиною, как же... Да, что ты будешь делать. Гордей Матвеевич, ну кто вас за язык тянет с этим предложением. У меня всё так сложно, теперь вот...

Хотела сказать, что и Макаров пострадает от рук правосудия, но в этот момент калитка со скрипом открылась, и мы увидели настоящего героя дня, рыцаря без страха и упрёка, нашего доблестного городничего с большим серым конвертом в руке:

— Вот ваши документы, сударыня. В понедельник подавайте прошение на развод, он их подпишет. И вот ещё, Сомов, у вас на этой стороне есть бричка? Увезите этого гада в Покровское к мамаше, чтобы мы его больше не видели и не слышали... Это приказ!

У Сомова возражений не нашлось, видать, харизма городничего взяла верх и показала, кто здесь настоящий лев и царь горы. Пришлось моему навязчивому «жениху» вздохнуть и поспешить к своей бричке, отдать приказ Колесову, чтобы тот отвёз Гончарова в Покровское и ещё кое-какие бумаги заодно там забрал и поручение какое-то выполнил.

Заворожённо наблюдаю, как разворачиваются события вокруг меня, с одной лишь мыслью: «А что, так можно было?», но вместо этого задаю совсем другой вопрос.

— Но как? — а сама смотрю на кулаки Демида, надеясь не увидеть на них ссадин. Нет, руки целые, может, он ногами пинал Гончарова?

— Я армейский офицер, вы думаете у меня не было подобных случаев? Постоянно кто-то зарывается, и терпению приходит конец. Он просто осознал, что его присутствие в городе нежелательное. Да и в целом его ситуация плачевна, нога больная, дом неухоженный, хозяйка, как я понимаю, не вернётся. Ему здесь делать нечего. Мы сделаем Леониду Марковичу великое одолжение, бесплатно отвезём к матери.

— Но он будет жаловаться...

— Все жалуются. И на этот случай у нас есть протоколы заседаний, где его костерили почём свет, и состояние города при нём стало удручающее, тому есть масса свидетелей. Кроме того, он не опекун мальчика, и не имеет прав удерживать документы, но решился на этот шаг с целью шантажа государственного чиновника, то есть вас. Собственно, это и был самый весомый аргумент.

Я, наконец, выдохнула с облегчением, ведь реально, тупой шантаж, причём нескрываемый. Надо отдать должное нашему городничему – очень быстро соображает. Не могу сдержать грустную улыбку, какую можно было бы принять за флирт.

— А вы потом не пожалеете, что ввязались в эти разборки.

— Пожалее, но о другом... — он замолчал, наблюдая, как Колесов разворачивает коляску и проезжает мимо нас к дому Гончаровых.

— О чём же? — боже, что я делаю, во мне проснулось та самая, женская хитрость, когда наша сестра, как бы ненароком заставляет мужчину сказать те самые слова, какие говорить невозможно.

Да и мы уже это обсудили, даже друзьями быть не можем, при наших-то должностях. Гончаров нарушил вето, поставил меня казначеем при себе, и чем всё обернулось. А сейчас всё в сто раз сложнее, Демид – городничий первый государственный чиновник в городе, в котором я – глава местного самоуправления и пока ещё казначей.

Готовая местечковая ОПГ, на нас всё что угодно могут повесить.

Макаров тоже всё понимает, шумно выдохнул. Ещё раз посмотрел на Сомова, инспектирующего строительство моста, уж так старается, придирается к каждому гвоздю и спорит с Семёном Лукичом, Тороповым, создаёт видимость активной деятельности, и время от времени замирает, пристально глядя на нас.

— Я вам не пара. Вот о чём я очень сожалею. Говорю, как старый солдат, без доли лукавства. Сожалею именно об этом. Сомов прав во всём. Я сегодня здесь, завтра чёрт знает где, своего дома пока нет, да и где его строить, если пока моё назначение здесь под вопросом? Я человек государственный. Мой вам совет ради брата и себя, разводитесь с Гончаровым и принимайте предложение Сомова, вы за ним как за каменной стеной...

— Мне не нужна каменная стена. Быстро же вы сдались. Должность я уступлю Сомову, разведусь с мужем и... Да ну вас, ей-богу! Всё выглядит, словно я вас на что-то уговариваю и уламываю. Не хватало ещё на одно колено перед вами встать и просить о... Ой, замужняя баба, а туда же. Простите. Вы правы. Это такая тупость...

Оговорила, по всем статьям проболталась, ветер свободы ещё только-только коснулся моего лица, а я уже распустила хвост и начала амурное приключение с городничим, по крайней мере, всё именно так и выглядит.

Позорище...

Прижимаю документы к груди и наутёк, даже не попрощалась. И чем быстрее бегу, тем краснее мои щёки, тем тревожнее на душе. Как я завтра с ним встречаться буду, мы же со стыда сгорим оба.

Промелькнула ужасная мысль о том, что он сам попросится куда подальше, чтобы не попадать под неприятности самому и мне жизнь не портить. Дурь во благо!

Я вдруг поняла, на фиг мне не нужно это градоначальство, только бы он не написал рапорт о переводе, я без него и дня не протяну.

Торможу у моста, разворачиваюсь и ещё более решительно возвращаюсь к Демиду, пока он стоит в расстроенных чувствах и даёт мне фору для побега, какой я не воспользовалась.

— Не смейте меня бросать и переводиться в другое место. За Сомова я замуж не пойду, это точно, ему не я нужна, а моя должность. Всё равно на этом посту долго не протяну, генерал-губернатор приедет и наведёт свои порядки. И если я вам хоть чуточку нравлюсь, хоть капельку симпатии ко мне испытываете, то давайте оставим всё как есть. Мы с вами коллеги, ничего личного, работаем и ждём, когда весь этот дурдом закончится. Это приказ! — ровно таким же тоном, как он только что приказал Сомову отправить Гончарова к мамаше, и я сейчас отдаю приказ единственному своему надёжному товарищу.

— Слушаюсь, госпожа ГРАДОНАЧАЛЬНИЦА! Рад служить!

— Вот, это уже совсем другой разговор, так и продолжайте, Ваше превосходительство. У нас ещё мост не построен, и курорт даже не в проекте. Да и развода пока нет. Так что, по рукам и работать.

Я физически почувствовала, с каким облегчением он выслушал мой выговор, и теперь еле сдерживается, чтобы не улыбаться.

— А куда вы Алёшу спрятали?

— На пожарной каланче работают, рукава перекручивают, двор подметают, делом заняты.

— Вот и замечательно. Ох, школа нам нужна, очень нужна. Надо бы написать прошение о субсидии на земское образовательное учреждение и выписать из столицы учительницу или учителя, как вы думаете, у нас получится? В управе есть большое пустое помещение...

— Это великолепная идея, думаю, что вашу новацию поддержат, тем более что я бы на вашем месте пока не стал Алексея отправлять в другую школу. Боков написал очень уж пакостную характеристику.

Мы уже перебираемся через мост и говорим спокойно о важных делах, никаких амурных интонаций, взглядов и телодвижений. Руку мне подал сам Торопов, чтобы помочь спуститься с довольно высокого пролёта моста, въезд пока ещё разобран.

— Не забудьте заколотить. Мост опасен, — тут же отдаю приказ старосте и с лёгким сердцем иду в пожарку. Сомов хотел было меня сопроводить, но городничий его притормозил каким-то мужским делом.

Давно, очень давно я не испытывала такой лёгкости. Теперь мне всё под силу, очень на это надеюсь...

Дорогие друзья, добро пожаловать во вторую книгу "ХОЗЯЙКА УЕЗДНОГО ГОРОДА". У Шурочки ситуация в личной жизни обостряется непредвиденными обстоятельствами, и ей очень нужна ваша поддержка - лайки на странице книги и комментарии.

Глава 2. Ревизор

Алёша уже получил благую весть о том, что злодей из школы уехал, проклиная всех и вся в нашем чудесном городе. Братец с Василием сидят на ступеньках нашего домика и играют в камушки, какая-то очень замысловатая игра, требующая абсолютной вовлечённости игроков. Мальчишки увлеклись и не заметили, как я подошла.

— А смотри, что у меня есть! — и поднимаю над головой серый конверт с документами.

— Это моя вольная? Меня отчислили? — Алёша засиял.

— Да, но с волчьим билетом, это значит, что тебя не примут в приличные учебные заведения. Но это пока...

Мне очень тяжело сообщать трагическую новость. Но я бы её не сообщала, не будь у меня приятного продолжения.

— А как же быть? Без образования я не смогу стать кем-то и потом заботиться о тебе.

— Мы откроем свою земскую школу, это уже решено. Сейчас летние каникулы, в бюджете найду деньги, кроме того, на земские лазареты и учебные заведения казна выделяет дотации, это точно. Думаю, что осенью все наши дети школьного возраста сядут за парты учиться.

Васятка сорвался с места и с радостными воплями помчался в свой дом:

— Мама, мама, госпожа начальница школу сделает для всех! Мам, я учиться пойду...

От удовольствия закрываю глаза и улыбаюсь.

— Я сама буду три раза в неделю давать вам уроки, чтобы дети хоть немного освоились и не испугали новую учительницу.

Алёша рассмеялся.

— Да, неплохо было бы подучить, хотя бы буквам.

— Подучим. Ладно, пойду домашними делами заниматься, устала я сегодня от дел праведных.

— Хозяева сегодня баню готовят. Я с мальчишками пойду. Так быстрее будет.

— Ты у меня совсем большой и самостоятельный. Кстати, Торопов предложил вам бригаду создать, город надо приводить в порядок. Косильщика я найму, а вам за рубль в неделю есть дело, чистоту наводить на городских территориях. Деревья побелить, кусты подрезать, мусор собрать, где-то цветы посадить, пора навести красоту.

— Прямо деньгой платить будешь?

— Думаю, что примерно пять рублей в месяц найду на эти расходы. Так что назначаю тебя бригадиром коммунальной городской службы. Всё по-взрослому, но работать неполный рабочий день утром до жары, вы всё же дети.

— Это здорово, соберём бригаду, я, Василий и ещё есть пара мальчишек, у них семьи небогатые, так что за любую работу ухватаются, — снова в голосе Алёши взрослые деловитые нотки, прям как местные мужики разговаривают.

Поражаюсь его коммуникабельности:

— Ты уже всех знаешь? А я, сколько живу, почти не с кем не знакома. Упущение, надо как-то налаживать контакты. Хотя если губернатор меня снимет с должности, то и придётся нам уехать.

Я сказала это как-то вскользь, по-женски рассуждая, и даже не сообразила, что Алёшу сейчас эти слова как-то могут задеть.

— Шурочка, я не хочу отсюда уезжать. У тётки нам житья не будет, угол в столице не найти, работу тоже, здесь мы первые люди, а в столице станем последними. Ты уж постарайся, и я тебе помогу. Губернатор приедет, посмотрит на наш Кулебякин и скажет, чего я такую хорошую Александру Андреевну снимать с должности буду. Нет, он тебя ещё всем в пример поставит, вот увидишь.

Замираю на ступенях и смотрю на братца, он прав во всём.

Здесь мы первые люди, а в столице тоже первые, но с конца. Беззащитные, безработные, и вообще никому не нужные.

— Ты прав, отступать мне некуда. Если что, то учительницей встану. Начальную программу я знаю, это в любом случае лучше, чем подёнщицей в столице. Спасибо, что веришь в меня.

В доме начала на скорую руку наводить порядок, подмела, печь затопила, чайник поставила, да вчерашнюю кашу с тыквой на разогрев, пора доесть, а то испортится. В баню вещи чистые перебрала, и за этим занятием меня застал очередной гонец. Незнакомый какой-то мужик, под окнами крикнул, что дело особой важности, надо бы в управу госпоже явиться.

— А что случилось?

— Я этого, господина Сигизмунда привёз, он завтра рано утром на паровоз и в столицу...

Не успел договорить, как я уже собралась, Алёше наказала за печкой следить, а сама вышла и на небольшой бричке помещика Угрюмова прокатилась до управы. Ах, как кстати были бы пробки, чтобы хоть немного времени побыть наедине со своими мыслями.

Уезжал по гостям Сигизмунд Карлович, имея обо мне вполне адекватное и непредвзятое мнение. Но время, проведённое с Угрюмовым, могло подействовать на ревизора как сахар на дрожжи.

Подъезжаем к управе.

Стоит наш Сигизмунд Карлович, руки за спину, вид задумчивый и меланхоличный. Наблюдает за плавающими в луже гусями.

— Добрый вечер, Сигизмунд Карлович, не притомились у нас гостить?

Бричка остановилась, я встала, чтобы спуститься на землю по небольшим кованым ступеням, и ревизор сам подал мне руку, улыбнулся. Этот галантный жест вселил надежду на приятное расположение духа после нескольких дней в плену Угрюмова.

— Нет, отчего же. Даже более скажу, поправил здоровье, — у Владимира Васильевича отличная кухарка, и ваши воды...

— Это да, наши воды — просто кладёзь пользы для здоровья в целом и пищеварительной системы. Но всё это дело у меня в планах, я бы и быстрее сделала проект, но увы, средств создать полноценный санаторий или хотя бы курорт, пока нет. Буду искать инвесторов.

— Экая вы оптимистка, — он стоит за моей спиной, ждёт, пока открою ключом ржавый казённый замок и впущу его в свои владения.

— А как же! Жить надо, работать надо, и никто, кроме нас самих не сделает то, что нужно для нашего же счастья. Так что всё сами...

— Мост видел, считай, половину уже сделали. Молодцы. Я хочу забрать ваш отчёт, и напомнить про методичку, сможете написать, по той форме учёта и отчёта, какую вы придумали?

Я на секунду замерла у своего рабочего стола, потому что если бы ответила машинально, то сказала бы вслух ересь, какую такому человеку слушать не обязательно. Про другой мир и про то, что я училась этому делу и так далее и тому подобное.

Улыбаюсь и киваю:

— Конечно, напишу. Вы мне свой адрес оставьте, я заказным письмом отправлю...

— Да, вот моя карточка, но у меня есть мысль, а что, если к вам журналиста прислать. А то они пишут всякую ерунду, а про настоящие, интересные события пока носом не торкнешь, так и не словом не обмолвятся. Пусть про вас и расскажут, так, глядишь, появятся поклонники, не в том самом смысле, а в том, что найдутся люди, кто захочет принять участие в вашем проекте. Очень уж у вас вода хорошая, но всё остальное, хоть глаза закрывай.

— Подтянем, сделаем, улучшим. Дайте немного времени.

Протягиваю ему конверт с копией отчёта. А сама думаю о том, как же хорошо, что Сомов пригласил именно этого ревизора. Если бы попался человек с вьедливым, противным характером, то не стояли бы мы сейчас, мирно беседуя о журналистах и минеральной воде. Или ещё хуже, если бы попался женоненавистник, как Гончаров...

— Ну-с, времени-то у вас и нет! Тёплых месяцев всего ничего, казна пустеет, налогами сыт не будешь. Думайте, сударыня, как вам до открытия курорта начать зарабатывать. Через несколько месяцев приеду, посмотрю, как ваши дела. Но учтите, сейчас я делаю вам поблажку не по тому, что вы очень миловидная женщина, а потому что буквально несколько дней назад в должность вступили. В следующий раз, увы, у меня статьи не найдётся, по какой я смог бы закрыть глаза на ваши недочёты.

И протягивает мне свои листы со списком всего того, что мне нужно устранить менее, чем за год.

Вот она твёрдая рука закона, пока не давит, но тяжесть уже чувствуется.

— Спасибо за список, с ним мне будет проще работать.

— Не питайте иллюзий. Проще не будет, доклад по вашему уезду у меня готов. Мужчины на таких должностях не справляются, взять хотя бы вашего супруга. Скурвился, всё спустил и разорил, и ему тоже просчёты с рук не спустим, но это уже другая история, думаю, что его вызовут в столицу на серьёзный разбор, а там посмотрим. Желаю удачи, очень приятно было с вами познакомиться.

— И мне, очень приятно, счастливой и спокойной вам дороги домой, — с трудом смогла из себя выдавить дежурные фразы, через ком в горле, какой мне и говорить не позволяет.

Ревизор оказался вещь в себе, и что у него в отчёте, какая бомба притаилась, бог его знает. Только одно утешает, что мне пока только предписания, а вот Гончарову светит совсем иной разговор.

Вместо того чтобы идти домой, сажусь и штудирую список всех недочётов. И, конечно, он начинается с неверных налоговых сборов, и надо кадастрового инженера вызывать. И нет доходных статей, о чём он мне сам и сказал, предприятий слишком мало. Неустроенность ужасная, на дорогах ямы, какие необходимо два раза в сезон засыпать гравием. И школы нет, а она должна быть в такой городке, и тут я с ним полностью согласна. И так далее и тому подобное.

Расходы, если не экономить, а вести хозяйство так, как должно — значительно превышают доходы. И что с этим делать, понятия не имею.

Глава 3. Звёздный час акушерки

Несколько дней спустя.

В принципе, всё, что списком написал Сигизмунд Карлович, не горит и пятки мне не поджигает. Нет острой необходимости делать сразу всё. Но всё же, есть такие вопросы, какие нужно запустить в работу, не упуская ни единого дня.

Прежде всего составить прошение на субсидирование школы, хотя бы начальных классов и библиотеки. Это дело нужно решить до осени. Пришлось три дня расписывать все данные, количество потенциальных учеников, возраст, сословие, и про помещение написала, что в здании управы есть и большой зал, и кабинет, подходящий под класс. И что нам нужна учительница, желательно прогрессивных взглядов, и не слишком нуждающаяся, так как у нас нет возможности платить большое жалование.

Городничий с воодушевлением прочитал прошение и подписал.

— А почему именно учительницу? Почему не мужчину?

— Во-первых, мне нужна подруга и соратница, во-вторых, у нас много неженатых мужчин, вы, Сомов. В-третьих, у мужчины явно будет выше требование по оплате, и, возможно, семья, какую нам пока негде разместить. А Девушка сможет поселиться в мезонине у Варвары Ивановны Дуговой. Так что всё просчитано! — перечисляю городничему все преимущества именно женщины в роли преподавательницы и зажимаю пальцы.

Он в ответ на мои доводы хмыкнул:

— Экая вы расчётливая, но всё верно. Кроме одного...

— Чего же, — улавливаю его слегка игривый тон и уже догадываюсь.

— Меня из списка женихов, пожалуйста, вычерните.

— А что так? — вопросительно поднимаю бровь и улыбаюсь.

— Я... — и замолчал, снова спотыкаясь об условности. Но даже эти намёки слегка будоражат ретивое, делая настроение чуть более задорным. Однако он продолжил. — Простите мою наглость, но мы с вами обсуждали тему вашего развода. И лучше бы его не затягивать...

До этого момента были цветочки. Теперь пошли ягодки, не думала, что он держит руку на пульсе. Но и не смутилась, у нас сейчас новая фаза в отношениях – доверие.

Поэтому я наклоняю голову и очень тихо признаюсь:

— Надо ехать в город, взять справку у акушерки, и потом в суд написать прошение. Однако я не хочу это делать под патронажем Сомова. Он уже трижды намекал, что его экипаж к моим услугам. Но вы же понимаете...

Вот теперь я слегка покраснела от смущения.

Макаров выдохнул, постучал пальцем по столу и улыбнулся, словно кое-что припомнил.

— Наша казённая карета не самая удобная, но вы можете ей пользоваться. Единственное, нет сейчас кучера.

— Вот именно.

— Могу временно назначить Смирнова, давайте так и поступим, всё равно дел нет, пусть Константин Титович немного потрудится на пользу общественности. И завтра утром начните это дело, он за вами заедет. И не в суд, а в ту адвокатскую контору загляните, они вам по всем правилам прошение составят, да сами и подадут. Через месяц уж и вольную получите.

— Вы очень заинтересованы в этом вопросе...

— Да, очень! И больше не спрашивайте, и так тяжело.

Поднялся со скрипучего стула и сбежал...

Самое важное и не успели обсудить, когда назначить праздник открытия моста. Осталось всего ничего: новое покрытие, перила и подъезды гравием подсыпать. Дня через четыре можно и ленточку перерезать.

Тут же себе и записала: «Купить в лавке красную ленту!».

На следующее утро мы с Алёшей отправились в город решать мои неприятные личные дела, докупить ему приличные штаны, бельё, и вообще, просто развеяться. Если поход к акушерке можно считать развлечением. Мне так не казалось. И вообще, настроение как-то сползло на минус, от того неприятного мероприятия, какое мне сейчас предстоит.

Смирнов домчал нас довольно быстро, высадил на центральной площади и сказал, что пока будет заниматься своими делами, и вообще он может хоть до позднего вечера нас ждать.

На том мы и разошлись каждый в свою сторону. Алёша в приличный трактир, чтобы меня подождать и перекусить с дороги, а я отправилась в небольшой медицинский пункт с гордым именем на вывеске «ЛАЗАРЕТ». Тут же и вспомнилось, почему такое название, раз у нас генерал-губернатор, значит, и все госучреждения называются на военный манер.

В приёмной несколько страждущих, и я понимаю, что просидеть придётся долго. Здесь врачи занимаются всем, от перевязок до осмотров, и даже роды могут принимать, если такое дело произойдёт. Широкий профиль земского учреждения, чего тут скажешь.

Спросила, кто крайний и села, предвкушая не самое приятное освидетельствование в своей жизни.

— К акушерке есть ещё кто?

Громкий крик из коридора заставил меня вздрогнуть, оглянуться, никто не пошевелился.

— Я! — крикнула и поспешила к открывшейся двери, через которую только что вышла беременная женщина, подвязывая белый платок на голову.

Какое счастье, что акушерка имеет свой отдельный приём.

— Проходите, на что жалуетесь? — женщина в годах, пухлая, крепкая, и розовощёкая, именно такой я себе почему-то и представляла акушерку. От неё исходит энергия тепла и душевности. Присаживаюсь у большого, выкрашенного белой краской стола и честно рассказываю свою историю.

— А как ваша фамилия-то?

— Гончарова...

— Пойдите, это вы замужем за этим Леонидом Гончаровым? Я вас даже смотреть не буду!

— То есть как? А я, а мне же в суд...

— Жалоб нет? — она надела на нос тоненькие очки и посмотрела на меня, тоже как на дурочку.

— Вроде нет, цикл как по часам, болей нет, грех жаловаться. Но почему...

Она очень долгим, «рентгеновским» взглядом сканировала мой мозг, видимо, отлично знает какие-то секреты семейства Гончаровых. И сейчас принимает очень непростое решение, помогать мне или нет. На самом деле, я ведь сама не знаю, было ли у настоящей Шурочки что-то с мужем или нет.

— Понимаю, насколько всё сложно в вашей жизни, если были бы жалобы, то я бы посмотрела вас. Но если у вас какая-то аномалия, бывает такое, что у женщин невозможно определить девство. Понимаете? В таком случае я напишу правду, а она вам не нужна...

Киваю и начинаю догадываться, к чему она клонит, но не понимаю, куда этот разговор нас заведёт.

— Так что я вам просто напишу справку, и при этом не покривлю душой перед законом. Ибо, сударыня, от такого мужчины рожать — опасное дело, может, и к лучшему, что он того, не тронул вас, по болезни, или по нежеланию, это всё уже неважно. Наследственность-то вон она — Феденька! Уж сколько я претерпела от мамы Гончаровой, она до сих пор считает, что это я испортила её сыночка младшего, и никакие доктора, даже столичные её в этом переубедить не в состоянии. А вы женщина молодая, крепкая, ну дальше вы сами всё понимаете.

Она говорит уверенным голосом, с нотками сопереживания моей незавидной судьбе. И...

И с той самой энергией, какую я никогда и ни с чем не спутаю – сладкая месть...

Настал звёздный час акушерки, какого она ждала очень давно.

— Понимаю, — вздыхаю и с облегчением, и с лёгким налётом стыда, совершенно неприятно обсуждать такие вещи даже с врачом, чувствую себя дурочкой в глазах общественности, угораздило выйти замуж за такого мужчину. — Напишите, что брак не конsumирован из-за отклонений в наследственности в роду Гончарова Леонида Марковича.

— Хорошая формулировка, так и напишем. А вы, голубушка, не затягивайте, найдите себе здорового мужа и рожайте, пока молодая. С такой фигурой вам только и делать, что деток рожать.

А что ещё может сказать акушерка, только то, во что сама свято верит, и я с ней согласна на все сто. Только одна проблема всё же есть, мужчин рядом много, а тот, что нравится под запретом. Нет счастья в личной жизни, хоть волком вой.

Глава 4. Законы пишут мужчины

Мне пришлось заглянуть в ту харчевню, где оставила Алёшу, он сидит с книгой и терпеливо ждёт, моего возвращения.

— Ты так себе ничего и не взял? Голодный, поди. Сейчас закажем еду, а после уж к юристам, на такие дела лучше идти сытыми.

— Я тебя ждал, волновался.

— Всё хорошо, кажется, что не только твоя воля у нас в руках, но и моя не за горами.

— Хорошо бы, давай закажем то, что вот тот дяденька есть, очень уж вкусно выглядит.

— Соглашусь, — заказ мы сделали просто, попросили принести то же самое, что аппетитом ест господин у окна.

Я оказалась такой голодной, что была бы рада любому блюду, однако выбирать не хочется, а ждать и тем более. Нам сразу же и подали глубокие тарелки с гречневой кашей с овощами и кусочком томлёного мяса, прям как в ресторане, но значительно дешевле.

Отобедав, отдохнув, поспешили в юридическую контору, где несколькими днями ранее Сомов успел обсудить мою некрасивую проблему с замужеством.

Здесь всё по-простому, записи нет, и очереди нет, да и сами юристы не с первого раза нашлись. Дверей много, но все, кроме одной, закрыты.

— Сударыня, добрый день, чем могу вам служить? Присаживайтесь, рассказывайте, я весь внимание, — немолодой клерк оказался единственным «живым» человеком в конторе. Стоило мне постучать и войти в его кабинет, сразу учтиво предложил присесть на довольно удобный стул, и своим видом проявил великую заинтересованность.

— Прощение на развод...

Пролепетала, смущаясь и заинтриговала делопроизводителя А.С. Крюкова, как написано на деревянной табличке, стоящей на массивном чёрном столе.

— Вот как? Прошу меня извинить, милостивая сударыня, уж не по-вашему ли делу заходил давеча Гордей Матвеевич Сомов? — с некоторой таинственностью в голосе прошептал господин Крюков, и потёр подбородок, предвкушая проблемы и неприятности из-за дела. С таким семейством, как Гончаровы, никто в здравом уме связываться не хочет, уж акушерка мне без обиняков прямым текстом рассказала о контрах с мамашей.

Киваю.

Делопроизводитель, сокрушаясь о моей судьбе и своих предстоящих проблемах, покачал головой, подбирая деликатные слова для отказа. Но я настойчиво протянула ему свеженькую справку.

— Пф-ф-ф, ах вот в чём дело. Признаюсь, удивлён, но думаю, что резон есть. Сам-то Вильям Вольфович уехал в столицу, я тоже юрист, но в судебную практику не лезу. Предлагаю поступить следующим образом, госпожа Гончарова. Составлю вам прошение на расторжение, по правилам у нас месяц на подготовку к суду, в вашем случае подготовка и не требуется, всё предельно понятно. Требуется лишь оповещение вашего супруга о дате слушаний. Предчувствую от него неприятные реплики, но в тяжбах без исключений всегда случаются скандалы. Ох, есть один лишь скользкий момент, — и замолчал, выдерживая тревожную паузу.

Ещё раз перечитал справку, а я ему уже подала свои личные карточки, где указан мой супруг и дата свадьбы.

— Так о каком моменте речь?

— Вашу справку я вижу, но есть ли таковая у вашего мужа?

Я вообще не поняла вопроса и переспросила невпопад, а попросту сморозила глупость:

— Справка, что он девственник? — бедный клерк чуть не прыснул смехом, но сдержался.

— Бог с вами, нет, конечно. В том, что он не болен, не страдает душевным расстройством, и не является инвалидом, другими словами, что вы не обязаны нести за него ответственность всю оставшуюся жизнь. Уж простите, закон суров, но брак на то и брак: «И пока смерть не разлучит нас!».

— Другими словами, если женщина не устраивает мужчину, то её можно сослать в монастырь и развестись...

— ЗАКОНЫ ПИШУТ МУЖЧИНЫ! — подняв палец, продекламировал, словно выступает на форуме Древнего Рима.

— У моего мужа есть один диагноз – патологическое скупердяйство, возведённое в религиозное учение. Всё равно составляйте прошение, буду месяц жить на нервах в ожидании суда, нужно делать хоть что-то, а там посмотрим.

Тревожность множится с каждой секундой. Очень неприятная ситуация складывается и опасная, если Лёню кто-то надоумит, то он за десять рублей купит себе справку, что инвалид на всю голову и я останусь при нём рабыней до конца дней своих. Вдруг, тот же адвокат решить проявить мужскую солидарность и посоветует Лёне сесть мне на шею. Ужасная перспектива. Что же так Шурочка сдалась и согласилась на брак, совершенно законов не знала?

Или тётка показала в сто раз хлеще стервой, нежели Лёня с его патологической жадностью. Из огня, да в полымя. Или есть ещё что-то, о чём я до сих пор не знаю.

Сижу перед господином Крюковым, закусив губу, и жду его решения по моему вопросу, надеюсь, что хотя бы оплата услуг его сподвигнет на безнадёжное дело.

— Вы, сударыня, в таком случае прогуляйтесь, мне потребуется около часа, всё заполню должным образом, запишу, и после останется лишь подписать, и заберёте свои документы, всё удовольствие стоит полтора рубля. Вообще дороже, но так как я сам не в полной мере уверен в благоприятном стечении обстоятельств, то и вас обдирать не намерен.

— А сам процесс во сколько мне обойдётся?

— Порядка десяти рублей, заседание потребуется всего одно, никаких дополнительных представительств не потребуется и, следовательно, без дополнительных расходов обойдёмся. Через две недели вернётесь, и я вам скажу точную дату и время судебного разбирательства, вот так устроено наше скромное, но весьма справедливое правосудие.

— На справедливость и уповаю в большей мере.

Пришлось выйти в коридор, где меня ждёт уставший от мытарств Алёша.

— Делопроизводитель попросил нас часик погулять, дорогой. Дел-то полно, ещё в налоговую, ну то есть в казначейство зайти нужно, взять у них бланки, заказать новую печать, раз мы теперь город с самоуправлением, то и документооборот меняется, и неплохо бы спросить методичку по расчётам и датам налоговой отчётности.

Брови Алёши встали домиком.

— Шурочка, ты меня, конечно, прости, но я тебя слушаю и начинаю помышлять о нехорошем...

— Не поняла, о чём это ты?

— Ты на себя только похожа, но как послушаю, так и диву даюсь, уж прости, но так даже наши учителя не могли разговаривать. Ты же едва грамотная была, читала с трудом, да, писала красиво, но только из прилежности, но ошибок больше, чем слов. А теперь – глава города, в казначейство идём, и про налоги рассуждаешь, словно министр. Тебя не подменили часом?

Он меня подловил так, что и не выкрутиться. Сказать правду – утратить доверие ребёнка и потерять его навсегда.

— Послушай, это не так и сложно, я три года изучала всё сама и вот поумнела. Странно, что ты только сейчас спросил об этом.

— Так боялся, что обидишься.

— С умом-то жить полегче, хотя я уже в этом сомневаюсь. Набрала на себя обязанностей, кстати, — подняла палец, припомнив важный момент, что я теперь не простая просительница, а Глава города, и скорее вернулась в кабинет.

— Что-то ещё, Александра Андреевна?

Набираюсь смелости и слегка корректирую стратегию. Так надо было бы с самого начала поступить, чтобы обезопасить себя от той самой «мужской солидарности» и патриархальных взглядов на ситуацию, ведь «Законы пишут мужчины!».

— Да, развод мне нужен не только по личным соображениям. Но и потому что меня давеча каким-то чудом избрали главой города Кулебякина. Я человек ответственный и при исполнении. А мой супруг возомнил себя невесть кем, и скажем так, не совсем чист на руку во многих вопросах, на него сейчас ревизор напишет такой отчёт, что подумать страшно. Я бы не хотела, чтобы его неприятное прошлое порочило мою репутацию. Это я всё к тому говорю, что дело о разводе носит ещё и политический характер.

— Поразительная ситуация. Вы..., и глава города? — он явно хотел добавить уточняющее слово «женщина», но опыт юридической работы вовремя отфильтровал феминитив, учитывая, что «глава» и так женского рода.

Но как ему вдруг стало неуютно.

Словно старый, проверенный социальный компас, каким он привык пользоваться, потерял свои ориентиры. Его мировоззрение трещит по швам, ибо женщина не смеет занимать такой пост априори!

— Да, глава городского самоуправления, избранная законно, почти единогласно на общем городском собрании. Так что ещё раз хочу заострить ваше внимание на щекотливости данной ситуации. За мной целый город, я не могу рисковать доверием избирателей, оставаясь женой непопулярного, отставного чиновника, с позором изгнанного из собственного города.

На лице господина Крюкова появилось то самое холопское выражение: слегка заискивающее, дружелюбное и весьма заинтересованное, как обычно, смотрят на власть имущего чиновника. А я сейчас использую свою власть и положение в обществе не самым законным образом, прикрываясь конфиденциальностью и доверием избирателей, пытаюсь намекнуть, что к решению моих проблем надо бы подойти со всей тщательностью.

Быстро же он переварил и впитал в себя новую данность:

— Ну-с, госпожа градоначальница, это многое меняет. Я, разумеется, ко всем делам отношусь весьма трепетно и внимательно, но ваше постараемся провести ещё и тайно, не позволяя делу просочиться в общество. Однако смею вам напомнить, что сам господин Гончаров весьма своеобразная личность, импульсивный и скандальный человек, а уж про его матушку...

— Да, я всё понимаю и прошу сделать то, что зависит от вас. Остальное я постараюсь решить сама.

— Как прикажете, сделаю всё, что смогу. Со всем рвением...

— Уповаю на это.

— А простите меня великодушно, не считите за склонность к словоблудию, но вот Сомов с таким жаром любопытствовал тем же вопросом. Уж не имеет ли он на вас виды? Я сие уточняю лишь для того, чтобы судье шепнуть, что вы вновь собираетесь выйти замуж за достойного и порядочного господина, в таком-то случае, никакие устои общества не пошатнутся...

Он меня сделал на раз-два. Прижал к стене своим вопросом и фактически требует подтверждения, что я после развода останусь приличной, целомудренной женщиной. Надо же, какой въедливый.

— Между мной и каким-либо другим мужчиной в настоящее время нет никаких отношений, я женщина честная, ответственная, и в авантюры с головой не кидаюсь. У меня мост стоит недостроенный, лужа в центре города и долги по налогам надо закрыть в этом году. Если достойный человек посватается после развода, непременно выйду замуж. Клянусь.

Так, я спасла ещё одного мужчину от разрушения парадигмы его мира. Но думаю, что скоро многие будут приезжать в Кулебякин не воду минеральную пить, а посмотреть на единственную, отчаянную бабёнку, решившую взвалить на себя, тяготя чиновничьей жизни и службы. А ещё, скорее всего, после развода у меня прибавится поклонников, желающих, как и Сомов, прибрать сахарную должность жены к рукам. Но до всего этого, как пешком до Китая.

Глава 5. Сногшибательная новость

На душе стало немного легче, почему-то ощутила, как ореол местечковой власти вдруг стал для меня спасательным жилетом в бескрайних тёмных водах нелёгкой реальности. Главное — не привыкнуть и не стать такой же, как Лёня.

Первым делом зашли в казначейство, меня там даже не восприняли как главу, посчитали, что просто с поручением приехала, выдали и бланки, и настенный календарь казначея, и методички, и печать обещали заказать в столице и через три недели привезти, а пока можно пользоваться старой. Я все документы сложила в серую папку, какую мне ссудил безразличный клерк. И с чувством исполненного долга, поспешили с Алёшей решать личные проблемы: его одежда, более лёгкая летняя обувь, мне ещё бельё нужно прикупить. Блузу и юбку, если попадутся приличные, и туалетное мыло, а то мои волосы похожи на ломкую солому, с которой Шурочка мирилась, а я уже не могу. И далее по списку: маленькие ножнички, пилочку для ногтей, может быть и духи. Есть пять рублей, какие я могу себе позволить на эти траты, но особо не ожидая, что всё в лавках найдётся.

Нашлось почти всё, кроме духов и пилочек для ногтей, такие мелочи раскупают в тот же день, как привозят из столицы. Посетовав, что мне в большой город в скором времени вряд ли удастся попасть, решила завершить поход по магазинам, и всё же как-то собраться в ближайшие недели в столицу. А пока отдала брату все вещи, чтобы не делать крюк через площадь и потом возвращаться в юридическую контору.

— Алёша, вон наша карета стоит, держи покупки и папку с бумагами, Константину Титовичу скажи, что я скоро освобожусь, только документы заберу у юриста и домой.

— Не задерживайся, а может быть, ещё что-то в дорогу купишь съестного, а то я уж снова голоден, хоть бы пирог или блин.

— Хорошо, зайду и куплю. А ты не оставляй вещи без присмотра, особенно папку с бумагами.

— Как прикажете, госпожа Глава города! — он забавно взял под козырёк, забрал у меня папку и поспешил в карету, ждать.

А я поспешила в юридическую контору, припомнив, что надо бы купить себе часы, наконец, а то совершенно неудобно контролировать время, какое теперь тоже ценность. Ещё один весомый повод отправиться в столицу.

— Александра Андреевна! Проходите, я уже всё сделал и по всем правилам, вот, полюбуйтеся.

Крюков выглядит весьма довольным собой, снова привстал со своего места, и учтиво протянул лист с прошением о разводе для ознакомления.

Прочитала и показалось, что всё вполне нормально написано, с такими формулировками, я бы на месте судьи сразу бы и развела.

— Да, всё хорошо.

— Вот и чудесно, с вас полтора рубля. И вот ваши документы. Завтра утром отнесу бумаги в судебный приказ, надеюсь, что примут к рассмотрению...

В его интонациях проскользило сомнение, какое мне совершенно не понравилось.

— Вы уж постарайтесь, чтобы приняли. Иначе мне никак!

— Понимаю-с, приложу всяческие усилия и личные связи. Вы правильно сделали, что доверились профессионалам. Можно было бы сэкономить и в самом суде написать бумагу, но вам в таком замысловатом деле наверняка отказали бы. Уж не взыщите и не серчайте, но жизнь такова, какова есть...

Я протянула ему деньги и добавила его же недавнюю «мудрость»:

— Ибо законы пишут мужчины!

— Именно! Ну-с, желаю вам всяческих благ на вашей непростой должности, будьте любезны, приезжайте недели через две и узнаете, на какое время нам назначили слушание, или ежели кто-то с оказией, тот же Сомов приедет, то я ему для вас конвертик-то с данными и передам, не стесняйтесь спрашивать, дело за рамки наших отношений не выйдет, всего лишь дата. До свидания, госпожа Гончарова!

Думаю, что в голове он всё ещё не может принять факт, о моём назначении и не решился вставить должность перед фамилией.

— Спасибо большое, до скорой встречи.

Чтобы не продолжать пустой разговор с кучей элементарных советов, как передавать записочки через Сомова, я забрала личные документы и поспешила в трактир, купить что-то в дорогу, через час мы уже явно проголодаемся, Алёша уже смотрел так, что с радостью бы поживился пирогом.

Подхожу к знакомой таверне и вспоминаю, что мелкие деньги закончились, а крупные лежат в укромном месте – в лифе и доставать их на виду так себе мероприятие.

Вернуться бы в юридическую контору, где в тёмном коридоре можно сделать сие тайное дело, но не хочется снова делать крюк, и без того хожу кругами вокруг центра города.

Вспомнила, что у трактира есть туалеты, не очень чистые, но спрятаться можно...

Прохожу за угол и столбенею от неожиданности...

Трое слегка подвыпивших молодчиков стегают крапивой и потешаются над скулящим и мычащим от боли Феденькой Гончаровым.

Как он вообще оказался вне дома?

— Твою налево! Этого мне ещё не хватало...

Мой стон потонул в идиотских воплях пьяного дурака, издевающегося над дурачком:

— Дурак, полный дурак, мы тебя научим, как себя на людях вести! На...

Очередной удар по Феде взбеленил моё обострённое чувство справедливости, и я не хуже иерихонской трубы завопила на всю улицу:

— Ах, вы подлецы! Твари бездушные, чем вы лучше этого несчастного человека? Думаете, у вас, алкашей, такой дурачок родится не может? И родится! Вот тогда узнаете, что значит больное дитя. Недоумки чёртовы. Сейчас полицию позову! ПОЛИЦИЯ! НАСИЛЮЮТ! — завопила первое, что пришло в голову. Парни вздрогнули, обернулись на меня и их, как ветром сдуло. Но какой-то бывалый ямщик заприметил шельмцов и поддержал мою тираду таким отборным матом, что уши заложило.

— Я о вас, подлецы, в полицию-то доложу, да мамаше Гончаровых скажу, она с вас шкуру снимет, подлецы! Ишь, над дураком потешаются, его и так бог обидел! — прогремел вслед недоумкам мужик, и потом уже обратился ко мне. — Это Гончаровых дурачок, за ним обычно смотрят и не выпускают, а тут видать сбежал и получил на орехи. Бедолага, как они его крапивой, вот им бы по голой... пройтись!

— Спасибо вам большое, я знаю, где дом Гончаровых, отведу сейчас, — зачем-то сама же и вызвалась вернуть несчастного Федю в стан врага.

Зачем...

Просто такая натура у меня гиперответственная, буду волноваться всю дорогу за Федю, но можно же ворота открыть, его туда втолкнуть и закрыть...

— Шуша! Шуша! Шуша! — довольно громко начал причитать Федя, и я поняла, что он меня узнал: Шуша – это Шура.

— Да, Федя, это я, пошли, отведу тебя домой и больше со двора не убегай! Понял!

— Шуша! Ма! Шуша...

— Да, к маме...

Не смогла взять его за руку, припоминая, где иногда бывают его пальцы, подхватила за рубашку и потянула в богатый дом Гончаровых. Надеюсь, не встретиться лицом к лицу с врагами.

Да куда там...

Федя чешется и продолжает вопить на всю улицу: «Ма! Шуша!»

На его вопли из калитки выбежала служанка, а за ней и сам Гончаров...

Видимо, уже какое-то время по всему дому искали Федю, а он вырвался на волю, как волнистый попугай в форточку, тут же и схлопотал от местных воробьёв.

— ТЫ! — выдохнул муж, ожидавший увидеть кого угодно с Федей, но не меня, и, кажется, он всё совершенно не так понял, как оно есть на самом деле. — Вернулась? Опомнилась?

— Шуша! Шуша! — вместо меня завопил Федя...

— Присматривайте за ним лучше, он сбежал, и его трое отморозков хлестали крапивой, еле отбила, — тут я приукрасила свою победу, но факт есть факт, я спасительница, но для мужа – отрезанный ломоть. — И нет! Я не вернусь, всё кончено. Мы теперь каждый живём своей жизнью. Ты столько раз меня подставлял, что смотреть на тебя противно, и обвинение в нелепом нападении, и то, что не платил взносы за Алёшу. Но даже не в этом дело, я и просто бы от тебя ушла, по личным причинам, потому как хочу детей и нормальную жизнь, какой ты не в состоянии мне дать. Но за те твои проступки в любом случае нет тебе прощения. Всё, меня ждёт карета и Алёша. Лучше присматривайте за Федей...

Разворачиваюсь, потому что вдруг подступило неприятное чувство отвращения, я на этого мужчину даже смотреть не могу...

— Значит, решила на развод...

— Решилась, — бросаю через плечо и ускоряюсь. Но он не намерен так просто сдаваться.

— Я тоже не сидел сложа руки. Если разведёмся, то ты мгновенно станешь банкротом и должницей баснословных сумм. И благодарить должна за это свою тётку. Ты и твой братец по её вине стали должниками перед казной, она десять лет не платила по налоговым счетам, ещё и перед процентщиками в долгах.

Разворачиваюсь, не понимая, каким образом связаны мы и её долги:

— Что ты несёшь?

— А то, что она вас обворовывала, а когда прижгло, прикинулась болезной, хитрая старуха притворилась, что впала в беспамятство. И платить всё равно кто-то должен, сейчас твой братец молод, но стукнет ему восемнадцать годиков, и всё, казна долги не прощает, тебе ли не знать, ты словно в беспамятство скатилась, ведь потому и вышла замуж за меня, чтобы сменить фамилию. Дом в залоге, с него вы ничего не получите, уйдёт с молотка, может часть долгов и покроет, но далеко не всё...

— Это бред, — мой стон потонул в очередном приступе воплей Феденьки во дворе. Но довольный Гончаров всё услышал.

— Какой уж бред, обожди минутку, сейчас вынесу бумагу от поверенного, ты меня знаешь, у меня все бумажки и все данные собраны, я человек ответственный, прагматичный и закон чьё, потому и написал письмо в столицу...

Лёня пригвоздил меня к земле, и я как замороженная жду, когда он вернётся с нашим «приговором».

Тётка прожила много лет в своё удовольствие, беря в долг у нашего будущего, и теперь за её распутство, Алёша и я обязаны расплачиваться всю жизнь...

Мне сделалась так плохо, что я с трудом доползла до красивой лавочки у забора и села, пытаюсь унять внезапный приступ панической атаки, сердце, кажется, сейчас зайдётся истерическим ритмом, вдыхаю, а воздуха не чувю.

— Заскучала в раю, вырвалась на волю, дура такая, получай теперь проблемы! — просто-нагла и первая слезинка скатилась по щеке, а за ней следующая и вот я уже рыдаю над нашими судьбами...

— Вот, Шурочка, и помяни мою заботу, я от вас не отказывался, а и братцу твоему лучше бы в школе да сиротой безродным, так-то глядишь, и от долгов открестится. Читай, читай, Шурочка, и кончай дурь дурить, никуда тебе от меня не деться, никуда!

Он протянул документ, исписанный убористым, красивым мужским почерком, и с первых строк стало ясно, что Гончаров ещё смягчил факты. Тётка пустила по миру не только нас, но и наших будущих детей.

— Но куда она столько денег тратила? Это же дворец можно построить...

— Это ты уж у неё узнавай, нам с тобой надо бы разобраться, как теперь с твоей должностью быть, но ежели хочешь, я для нас в Кулебякине новый дом построю, со мной ты, Шурочка, не пропадёшь, и Алёшу для его же блага надо в приют отправить, сиротой объявить и даже бы фамилию сменить, так будет лучше для всех, и не спорь, я мужчина, и я умнее!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.